

О. С. Волков, И. А. Стенин

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» — МГУ им. М. В. Ломоносова,
Москва

АНДАТИВ И ВЕНТИВ В ЯЗЫКАХ СИБИРИ: К ТИПОЛОГИИ ГЛАГОЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ¹

1. Введение²

Настоящая статья является скромной попыткой взглянуть на глагольные показатели, выражающие значения, которые можно истолковать в первом приближении как ‘пойти, чтобы Р’ и ‘прийти, чтобы Р’. Подобные значения имеют непосредственное отношение к зоне глагольной ориентации, однако, как представляется, семантика показателей такого рода устроена несколько сложнее, чем семантика обычных ориентационных морфем. Аффиксы первого типа, обозначающие движение субъекта от дейктического центра с целью совершить действие Р, мы будем называть *андативными*, а аффиксы второго типа, обозначающие, напротив, движение субъекта к дейктическому центру с целью совершения Р, — *вентивными*. В этом мы будем

¹ Исследование выполнено за счёт средств гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02081) в МГУ имени М. В. Ломоносова.

² Исследовательский ландшафт в данной области претерпевает в последние годы существенные трансформации; ср., в частности, новые работы [Rose 2015; Guillaume 2016] о категории «сопутствующего движения» (*associated motion*), [Belkadi 2015] о несобственных употреблениях дейктических показателей, [de la Fuente, Jacques ms.] о грамматикализации показателей андатива и вентива в классическом маньчжурском, [Стойнова 2016; в печати] о показателях «движения с целью» (*motion-cum-purpose*). В связи с этим многие наблюдения, представленные здесь, кажутся нам ещё более поверхностными, а терминологические решения — ещё более сомнительными, чем изначально, однако мы публикуем настоящие заметки практически без изменений в том виде, в котором они были написаны к юбилею А. П. Володина.

следовать предложению, высказанному в [Плунгян 2002], хотя терминологический разнобой в этой области, как будет показано ниже, весьма серьёзный.

В языках Сибири и Дальнего Востока, материалом которых мы здесь ограничимся, андатов встречается чаще вентива; он засвидетельствован в чукотско-камчатских, эскимосско-алеутских, тунгусо-маньчжурских, юкагирских и некоторых самодийских языках. В частности, андатов отмечается в ительменском языке; ср. *no-kes* (есть-INF) vs. *now-ata-kes* (есть-AND-INF) ‘пойти, чтобы есть’. Ориентироваться в ительменских данных помогает не только прекрасно структурированная грамматика [Володин 1976], но и комментарии к текстам, записанным и расшифрованным А. П. Володиным, причём как к изданным [Володин 2008], так и к неизданным [Володин рук.], которыми с нами в своё время любезно поделился автор. Из этих кратких, но ёмких замечаний можно, в частности, узнать, что формы с показателем *-ata*, которые в грамматике характеризуются как имеющие направительно-целевое значение, постепенно утрачивают свою семантику. Промежуточная стадия этого процесса представлена в текстах на северном (седанкинском) диалекте, записанных в 1970-х гг., где встречаются примеры плеонастических конструкций, которые включают глагол перемещения и нефинитную форму с показателем андатива, выполняющую функцию обстоятельства цели. Ср. два следующих примера из [Володин рук.].

ИТЕЛЬМЕНСКИЙ³ (седанкинский; Камчатский край)

(1a) *t-lay-ata-l-kipe(?)nen*

1SG.S.IND-сказать-AND-FUT-3PL.OBL

‘{Ну-ка снова выйду,} пойду скажу им’ (Текст 25).

(1b) *qutx k'-il-knen* *əlćko-ta-s*

Кутх NARR-пойти-NARR.SG смотреть-AND-INF

‘Кутх пошёл посмотреть’ (Текст 39).

В первом примере глагол с аффиксом андатива является вершиной независимого предложения и согласуется как с

³ Поморфемная нотация примеров наша, в остальных случаях глоссы, используемые в различных источниках, частично изменены.

Агенсом (за это отвечает префикс), так и с Адресатом (с помощью суффикса из специальной серии показателей косвенно-объектного согласования). Во втором случае вершиной является глагол *il-* ‘пойти’ (он представлен в специальной нарративной форме т. н. III инфинитива, при которой возможно согласование с подлежащим только по числу, но не по лицу), а глагол *эл̄ско-* ‘смотреть’ с аффиксом андатива является сирконстантом цели. В экспедиции на Камчатке зимой 2014 г. нам посчастливилось встретиться и пообщаться с несколькими ительменами, которые ещё помнят свой родной язык, и мы можем только подтвердить, что ситуация обстоит примерно так, как было зафиксировано А. П. Володиным в 1970-х гг. Носители седанкинского диалекта по-прежнему опознают и используют в своей речи андативные дериваты, однако не замечают тавтологичности конструкций типа (1b) и также употребляют их.

Дальнейшая часть статьи организована следующим образом. В § 2 мы рассмотрим данные лесного ненецкого языка, в котором существует оппозиция андатива и вентива. В § 3 на материале чукотско-корякских языков обсуждаются возможные пути грамматикализации показателя андатива, в § 4 на материале некоторых тунгусо-маньчжурских языков — взаимодействие директивного и рефактивного показателей. В § 5 андатив и вентив сопоставляются с близкими, но не идентичными показателями, отмечаемыми среди ориентационных глагольных систем в других языковых ареалах. Статья завершается обсуждением параметров варьирования, которые могут быть релевантны для дальнейшего типологически ориентированного изучения андатива и вентива.

2. Лесной ненецкий⁴: андатив vs. вентив

Лесной ненецкий отличается от ительменского прежде всего тем, что в нём отмечен не только андативный (2), но и вентивный (3) показатель. Насколько нам известно, данные

⁴ Разрозненные данные пуровского говора лесного ненецкого языка собраны в ходе экспедиции в с. Халясавэй (Пуровский район, ЯНАО) зимой 2013 г. В настоящей работе используется рабочий вариант транскрипции, основанный на соображениях, высказанных в [Salminen 2007]. Примеры без ссылок являются элицированными.

показатели не выделялись ранее в литературе, а в текстах на лесном ненецком они глоссировались весьма хаотичным образом.

- ЛЕСНОЙ НЕНЕЦКИЙ (пуровский; с. Халясавэй, ЯНАО)
- (2) *mâny*[°] *nyaj*[°] *nyata-soq-m*^{°q}
 я товарищ-(ACC.)POSS.1NPL помочь-AND-1SG.S
 ‘Я пошёл помочь другу’.
- (3) *pâm*[°]*syâm-sy*[°] *syîq-j*[°] *nyata-soja-ji-n*[°]
 стемнеть-CVB PN.ACC-POSS.1NPL помочь-VEN-COND-2SG.S
 ‘Вечером приходи помочь мне’.

Андатив и вентив в лесном ненецком сочетаются как с переходными, так и с непереходными глаголами и в общем случае никак не воздействуют на аргументную структуру. В частности, как видно из примеров (2–3), андатив и вентив не влияют на количество и маркирование актантов переходного глагола.

При этом данные показатели сочетаются только с агентивными глаголами; ср. следующий пример, где показатель андатива нельзя присоединить (4b) к глаголу *jata-* ‘встретить(ся)’⁵ с моделью управления <Экспериенцер: Nom, Стимул: Acc>, — глагол необходимо сначала агентивизировать с помощью показателя каузатива (4c), в то время как (4a) иллюстрирует принципиальную возможность употребления как непроизводного глагола, так и каузативного деривата от него, если они не осложнены показателем андатива.

- (4a) *apa-j*[°] *jata-ŋa-t*[°] /
 сестра-(ACC.)POSS.1NPL встретить-GFS-1SG.S
jata-pta-ŋa-t[°]
 встретить-CAUS-GFS-1SG.S
 ‘Я встретил сестру (случайно / специально)’.
- (4b) **apa-j*[°] *jata-soq-ŋa-t*[°]

⁵ В отличие от тундрового ненецкого языка, в котором базовым глаголом, обозначающим неконтролируемую встречу, является *yada-bta-*, а в контекстах типа *встретить на вокзале* употребляется глагол *хо-* ‘найти’, в лесном ненецком базовым глаголом является *jata-*, долгота второго гласного в котором отлична от долготы соответствующего гласного в глаголе *jatâ-* ‘идти пешком’.

сестра-(ACC.)POSS.1NPL встретить-AND-GFS-1SG.S
Ожидаемое значение: ‘Я пошёл встретить сестру’.

- (4с) *apa-j°* *jata-pta-soq-ŋa-t°*
сестра-(ACC.)POSS.1NPL встретить-CAUS-AND-GFS-1SG.S
‘Я пошёл встретить сестру’ {например, на вокзале}.

Направительно-целевая семантика в лесном ненецком языке может также передаваться сочетанием глагола перемещения в финитной форме и конверба; при этом, как и в ительменском, по крайней мере в речи некоторых носителей деепричастие⁶ в такой конструкции может быть маркировано показателем андатива или вентива (5a–b).

- (5a) *lap°ka-n°* *to-ŋa-tâ-sy°*
поселок-DAT прийти-GFS-1SG.S-PST
wyesyua-j° *nyâqm°-soja-°q*
железо-(ACC.)POSS.1NPL получить-VEN-CVB
‘Я приехал в поселок получить деньги’.

- (5b) *lap°ka-n°* *kâ-n°-ŋa-t°*
поселок-DAT уйти-FUT-GFS-1SG.S
wyesyua-j° *nyâqm°-soq-sy°*
железо-(ACC.)POSS.1NPL получить-AND-CVB
‘Я поеду в поселок получить деньги’.

Из неиндикативных форм андатив и вентив употребляются в лесном ненецком по крайней мере в императиве (6b), кондиционалисе (оптативе) (3) и гортативе, при этом, как отмечается в [Гусев 2013: 67–71], императив является типологически наиболее естественным, а иногда и единственным контекстом употребления андатива⁷.

⁶ Примечательно, что в лесном ненецком нет супина, тогда как в тундровом ненецком не зафиксирован ни андатив, ни вентив, но употребляется супин с показателями *-tâncy°* / *-wâncy°*. В целом, однако, ничто не препятствует сосуществованию специальной формы супина и андатива не только в пределах одного языка, но и в рамках одной словоформы. Соответствующие примеры можно, в частности, найти в текстах на алюторском языке.

⁷ Асимметрия андатива и вентива в указанной работе объясняется (со ссылкой на устное сообщение В. А. Плунгяна) тем фактом, что в

- (6a) *tixul^o-q!*
собирать.ягоду-IMP.2SG.S
'Собирай ягоду!' {уместно в ситуации, когда ягода прямо под ногами у адресата сообщения}.
- (6b) *tixul^o-sos^o-q!*
собирать.ягоду-AND-IMP.2SG.S
'Иди собирай ягоду!' {уместно в ситуации, когда адресату, чтобы начать собирать ягоду, необходимо преодолеть сперва некоторое расстояние}.

Отдельный вопрос состоит в том, каким образом показатели андатива и вентива взаимодействуют с аспектом. Согласно устоявшимся представлениям (ср., в частности, [Шлуинский 2012]), вид в лесном ненецком, как и в тундровом ненецком и других самодийских языках, является словоклассифицирующей, а не словоизменительной категорией (об особенностях нганасанской аспектуальной системы см. [Гусев 2012]). Все глагольные лексемы делятся на перфективные и имперфективные, а вид производного глагола определяется по последнему словообразовательному аффиксу. Кроме того, считается, что в ненецких, энецких и селькупских диалектах противопоставление перфективности vs. имперфективности однозначно совпадает с противопоставлением событийности vs. несобытийности в терминах [Шлуинский 2012]. Таким образом, принято считать, что в этих языках нет не только имперфективных событийных глаголов (т. е. описывающих ситуацию с изменением фазы), но и перфективных несобытийных (т. е. описывающих ситуацию без изменения фазы). К сожалению, у нас нет данных о сочетаемости андативных и вентивных дериватов с обстоятельствами длительности и точного времени, однако их временная референция в наименее маркированной форме свидетельствует о том, что они, по всей видимости, являются перфективирующими деривациями.

ЛЕСНОЙ НЕНЕЦКИЙ (аганский; с. Варьёган, ХМАО-Югра)

- (7) Кука́хана' — вандкана — касама' кантясо'на' [Вэлла 2008].

«нормальной ситуации говорящий и слушающий находятся в одном месте» [Гусев 2013: 71].

kûkâ-xâna *wanl°q-kâna* *kasama-q*
который-LOC легенда-LOC мужчина-PL
kanja-soq-ŋa-q
охотиться-AND-GFS-3PL.S
‘Однажды, по легенде, пошли мужчины охотиться’.

Так, в примере (7) андативный показатель сочетается с имперфективным глаголом *kanja-* ‘охотиться’ и полученный в результате деривации новый глагол реферирует к прошлому, тогда как непроектируемый глагол *kanja-* реферировал бы к настоящему.

Кроме того, данный пример, взятый в более широком контексте, иллюстрирует тот факт, что в условия истинности употребления андативного (и предположительно — вентивного) деривата входит только реальность осуществления ситуации перемещения в актуальном мире, тогда как ситуация Р, ради которой собственно и совершается перемещение, не обязана иметь место. В легенде, из которой взят этот пример, повествуется, что однажды охотники, прослышав, что гуси где-то рядом, отправились на охоту и заночевали на яру, чтобы с утра напасть на стаю, однако ночью бог Тяпту-кахэ⁸ прокрался в гусином обличе к их лодкам и погрыз все ручки на вёслах, так что утром они были вынуждены свернуть свою охоту, так и не начав её.

Таким образом, названная особенность употребления андатива в лесном ненецком позволяет высветить необходимость постулирования целевого компонента в семантике андативного деривата. Ситуация Р, ради которой совершается перемещение субъекта из точки А в точку В в направлении от действительного центра, не обязательно имеет место в актуальном мире. Как видно из примера (7), андативный дериват в перфективной клаузе ничего не сообщает об осуществлении ситуации Р. Однако в норме, конечно, если человек пошёл в тундру или в лес, чтобы охотиться, и никакие посторонние силы не вмешиваются в естественный ход вещей, то во всех лучших мирах он в итоге

⁸ По крайней мере у некоторых лесных ненецких родов (Айваседа) гусь считается священной птицей и охотиться на него запрещено. Тяпту-кахэ (*jâpti kâx°*, букв. ‘гусь идол’) — имя бога, покровительствующего оленятам и летающего в гусиной стае в гусином обличе.

охотится. Если бы андатов в лесном ненецком имплицировал реальность искомой ситуации P, структура его значения выглядела бы несколько проще, — грубо говоря, ‘пойти и P’, а не ‘пойти, чтобы P’ — и налагала бы на эти два события только ограничения, связанные с их временной последовательностью.

Если в других языках Сибири ситуация обстоит аналогичным образом, то это объясняет, почему авторы некоторых грамматик помещают соответствующие аффиксы в ряду модальных (как в удэгейской грамматике [Nikolaeva, Tolskaya 2001]), а некоторые — просто называют его «целевым» показателем (ср. *purposive* в чукотской грамматике [Dunn 1999]). Однако на самом деле свойство имплицативности является параметром межъязыкового варьирования, как будет показано ниже в § 5 на примере одного из гьялронгских языков.

Показатели *-soq* и *-soja* очевидным образом не возводимы ни к одному из базовых глаголов перемещения, которые выглядят в лесном ненецком следующим образом: *tuin-* ‘идти, двигаться’, *jatâ-* ‘идти пешком’, *kâ-* ‘уйти, отправиться’, *to-* ‘прийти, прибыть’. Наиболее вероятными их источниками кажутся глаголы *hoq-* ‘вычерпать что-л.; достать, набрать что-л. откуда-л.’ < **soq-* и *hoja-* ‘добиться чего-л.’ < **soja-* (Тапани Салминен, л. с.). Подчеркнём, что в тундровом ненецком показателей андатива или вентива не обнаружено, хотя исследован этот язык в целом значительно лучше. Из других уральских языков андатов отмечается только в нганасанском [Гусев 2012] (где его показателем выступает гортанная смычка), а вентив — нигде более.

3. Пути грамматикализации андатива: чукотско-корякские языки

В чукотско-корякских языках андатов выражается когнатными показателями *-cqiw/-sqiv/-tqiw* (в порядке перечисления даны телькепский чукотский, собственно алюторский и северно-корякский варианты, отмечаемые в работах [Dunn 1999; Кибрик и др. 2000; Мальцева 2013] соответственно).

ЧУКОТСКИЙ (телькепский; Анадырский р-н Чукотского АО)

- (8) *cake-qaj* *tə-re-piri-cqiw-ŋə-n*
 sister-DIM.3SG.ABS 1SG.A-FUT-take-PURP-FUT-3SG.P
 ‘I’ll go to take back [my] sister’ [Dunn 1999: 370].

АЛЮТОРСКИЙ (с. Вывенка, Камчатский край)

- (9) *nuŋ-alu-sqiv-a* *mən-itə-tkən*
 NEG-собирать.ягоды-идти-ANAL 1NSG.S+OPT-быть-IPFV
 ‘Не надо будет нам ходить за ягодами’ [Кибрик и др.
 2000: 34].

Согласно [Dunn 1999: 238], чукотский суффикс *-cqiw* этимологически родственен глаголу *lqət-* ‘отправляться’. Схожий взгляд отражён в сравнительном словаре [Fortescue 2005: 414], где соответствующий показатель реконструируется на прачукотско-корякском уровне как *-lqiv* и этимологизируется как сочетание глагольной основы (*lə*)*qət-* и интенсификатора *-jəv*. Глагол *lqət-* при этом, наряду с ещё несколькими дейктическими глаголами движения, может инкорпорировать другие глагольные основы. Инкорпорироваться могут только непереходные глаголы, в частности, не являющиеся дейктически ориентированными глаголы, обозначающие способ движения.

ЧУКОТСКИЙ (телькепский; Анадырский р-н Чукотского АО)

- (10) *ekwew-u* *jəp-an-nen* *jara-ŋqaca-ytə,*
 reindeer.type-EQU dress-TH-3SG.A.3SG.P house-SIDE-ALL
ləyi-ʔire-lqət-yʔi
 INTS-gallop-set.off-TH
 ‘He put it on as the leftside reindeer; they galloped off
 homewards’ [Dunn 1999: 231].

При другой возможной интерпретации таких сложных глаголов инкорпорируемая основа выражает цель, для достижения которой производится перемещение, обозначаемое вершиной. Инкорпорироваться при этом могут как глаголы движения, так и ряд других глагольных основ (11), в том числе стативных. Однако от чего именно зависит интерпретация образа действия vs. цели и является ли она фиксированной при определённом композите, грамматика М. Данна не сообщает.

- (11) *qənwet* *əŋqen* *teŋ-əŋjiw*
 finally DEM.3SG.ABS good-uncle.3SG.ABS

raju-lqət-yʔi=ʔm

stand.watch-set.off-TN=EMPH

‘Finally the good uncle went to stand watch’ [ibid.].

М. Данн отмечает [ibid.: 231–232], что данный тип инкорпорации напоминает, с одной стороны, глагольную сериализацию⁹, а с другой, категорию т. н. сопутствующего движения (*associated motion*), отмечаемую в грамматиках многих австралийских языков. К категории сопутствующего движения мы вернемся ниже в § 5 в связи с материалом языков других ареалов. Пока же отметим лишь, что семантика *-cqiw* и *lqət-* в примерах (8) и (11) представляется весьма похожей. Показатель *-cqiw*, в отличие от *lqət-*, сочетается в том числе с переходными глаголами (8). При этом случаев, в которых аффиксы *-cqiw/-sqiv/-tqiw* присоединялись бы к глаголам перемещения, в доступных нам текстах и грамматических описаниях обнаружить не удалось, за исключением глагола ‘войти’, который в разных частях чукотско-камчатского ареала демонстрирует в разной степени идиосинкратическое поведение¹⁰.

Выше в § 2 говорилось, что показатели андатива и вентива в общем случае не затрагивают аргументной структуры исходного предиката, и модель управления остаётся прежней. В нашем распоряжении тем не менее имеются примеры из чукотско-камчатских и тунгусо-маньчжурских языков, демонстрирующие, что такая формулировка, вероятно, не является абсолютно точной. В примере (12) иллюстрируется случай, когда при андативном деривате может поверхностно выражаться Цель, т. е. конечный пункт движения (в данных примерах — с помощью именной группы в дативе).

⁹ О том, почему и как эти явления следует разграничивать, см. [Виняр 2016].

¹⁰ Например, в телькепском чукотском, описанном в грамматике [Dunn 1999], глагол ‘войти’ выглядит как *re.cqiw-*, т. е. исходно содержит андативный показатель, однако уже не употребляется без него. В той разновидности алюторского языка (говор с. Вывенка), которая описана в [Кибрик и др. 2000], *ra.lqiv-* ‘войти’ также исходно является производным, но синхронно не членится и допускает образование андативного деривата *ra.lqivə-sqiv-*.

- АЛЮТОРСКИЙ (с. Вывенка, Камчатский край)
- (12) *sisis'ə-n* *u.ptə-sqiv-i*
 Сисисын-NOM+SG рубить.деревья-идти-3SG.S+PF
yillanə-ŋ
 ольха-DAT
 'Сисисын пошёл за дровами в ольховник' [Кибрик и др. 2000: 54].

Исходный глагол в примере (12), 'рубить деревья', является непереходным, и если бы он присоединял обстоятельство места, последнее выражалось бы наречием или именной группой в локативе, но не в дативе. Очевидным образом, возможность выражения факультативного семантического актанта с ролью Цели возникает вследствие андативной деривации. Мы не владем информацией о том, насколько регулярно и в каких языках проявляются подобные эффекты, — это, разумеется, является одним из необходимых аспектов дальнейших исследований. Названная особенность тем не менее вынуждает несколько более артикулированно поставить вопрос о природе андативных показателей.

В работе [Татевосов 2010: 205] выделяются три наиболее типичных функции глагольной деривационной морфологии, воздействующей на экстенционал предиката: 1) изменение состава подсобытий, описываемых событийным предикатом; 2) изменение количественных характеристик событийного предиката; 3) изменение фазовых характеристик событийного предиката. Несмотря на то, что говорить об андативе как об актантной деривации вряд ли представляется возможным, по крайней мере, при традиционном определении этого понятия (ср. [Плунгян 2000]), в терминах структуры события (см., например, [Лютикова и др. 2006]) андативизация, вероятно, может быть описана как операция, модифицирующая состав (под)событий, описываемых предикатом. Иными словами, она попадёт в тот же тип деривационной морфологии, что и операция, известная как каузативизация. Если такой взгляд оправдан, то немедленно встаёт вопрос о том, каким образом сложная¹¹

¹¹ Ср. замечание относительно соответствующего ительменского показателя в грамматике, написанной А. П. Володиным в соавторстве с

событийная структура андатива ведёт себя по отношению к различным тестам, направленным на выявление структуры события, а именно какова в случае андативного деривата сфера действия отрицания, различных обстоятельств, каковы возможности эллипсиса и пр. В настоящий момент мы, к сожалению, не располагаем соответствующими данными, так что это остаётся задачей будущего.

В алюторском языке также засвидетельствован частотный суффикс *-lqiv*, выражающий широкий спектр значений из аспектуальной зоны: в работах А. А. Мальцевой (см. подробнее [Мальцева 1998: 36–41, Мальцева 2013: 147–149]) он трактуется как показатель инхоатива и длительного вида, в [Кибрик и др. 2000: 439] — как «глагольный видовой суффикс со значением начинательности, однократности действия или длительности действия». Диахроническая связь показателей *-lqiv* и *-sqiv* очевидна, однако не совсем ясно, каким именно образом проходила грамматикализация: данные показатели могли параллельно развиваться из глагола *lqət-*, или же один из них мог произойти из другого; семантически, как кажется, любому из этих переходов можно было бы найти оправдание.

Семантическая связь андатива и инхоатива побуждает А. А. Мальцеву рассматривать *-sqiv* и *-lqiv* в числе «акциональных постфиксов» [Мальцева 1998: 154–157]. М. Данн помещает аффикс *-sqiv* в ряду модальных показателей и называет его *purposive*, по-видимому, выделяя из его семантики только целевой компонент и оставляя за скобками направительный. Нам кажется, что семантика андатива не вписывается ни в аспектуальную, ни в модальную зону, однако является близкой к некоторым аспектуальным и модальным значениям и, соответственно, в некоторых случаях можно ожидать развития андативных показателей в видовые и модальные. Так, среди аспектуальных значений андатив обнаруживает определенную близость с инхоативом (ср. конструкции с глаголом *пойти* в

Шт. Георгом: «-ata, direktiv, d. h. das durch dieses Suffix gebildete Verbum bildet ein semantisch komplexes Prädikat, bestehend aus der Bedeutung des Grundverbs + „hingehen“» [Georg, Volodin 1999: 161]. Ср. ниже в § 5 данные австралийского языка вамбая, описываемые в статье [Nordlinger 2010] с помощью понятия *complex predicate*.

русском языке, типа «Опять направо и налево // пойдёт хозяйничать зима» (Б. Л. Пастернак)) и с проспективом (ср. английские конструкции с *going to*), что объясняет, в частности, существование схожих путей грамматикализации данных показателей. Возможность модального анализа показателей такого рода может объясняться ирреальным статусом ситуации Р, ради осуществления которой совершается перемещение субъекта из точки А в точку В. Данная семантическая связь, возможно, также является причиной, по которой значительная часть употреблений андативного показателя приходится на словоформы, маркированные императивом, оптативом или будущим временем.

4. Взаимодействие направительного показателя и рефактива: данные тунгусо-маньчжурских языков

Таким образом, в чукотско-корякских, ительменском, нганасанском отмечается только один показатель «движения с целью», и лишь в лесном ненецком зафиксирована оппозиция андатива и вентива. Согласно ряду описаний тунгусо-маньчжурских языков, в них также существует более одного направительно-целевого показателя, однако они отражают иное противопоставление: ‘пойти, чтобы Р’ vs. ‘сходить, чтобы Р (и вернуться)’¹².

Так, например, в работе [Роббек 1982], в которой подобные морфемы в эвенском языке рассматриваются среди видовых показателей, в группу «направление движения» включаются четыре аффикса: *-на/нэ-*, *-рга/ргэ-*, *-лга/лгэ-*, *-нас/нэс-*. Однако два из них несомненно принадлежат рефактивной семантической зоне (более подробно см. [Стойнова 2012]): *-рга/ргэ-*, судя по примерам, выражает редитивное значение ‘вернуться в исходную точку’ (*эмэ-ргэ-* ‘вернуться’ < *эмэ-* ‘прийти’), а *-лга/лгэ-* — реститутивное значение ‘вернуться в исходное состояние’ (*чора-*

¹² Это не относится как минимум к классическому маньчжурскому языку, в котором, согласно [de la Fuente, Jacques ms.], выделяются показатели андатива ‘пойти, чтобы Р’, вентива ‘прийти, чтобы Р’ и андатива-каузатива ‘послать делать Р’.

лга- ‘снимать жерди яранги’ < *чора-* ‘ставить жерди яранги’, *алу-*
лга- ‘распрягать’ < *алу-* ‘запрягать’).

Аффикс *-на/нэ-*, на первый взгляд, имеет стандартное андативное значение (*гэлэт-нэ-* ‘пойти искать’ < *гэлэт-* ‘искать’). Относительно этого аффикса сообщается, что он продуктивен, и лишь часть глаголов движения и состояния не присоединяет его, что согласуется с наблюдениями, данными выше, и представляется логичным в свете семантики андатива. Что касается последнего аффикса, он заслуживает несколько большего внимания. Согласно [Роббек 1982: 73], «глаголы с суффиксом *-нас/нэс-* обозначают действие, которое осуществляется при перемещении из какого-либо пункта, и возвращение обратно»; ср. *гургэвчи-нэс-* ‘сходить на работу (один раз и вернуться)’ < *гургэвчи-* ‘работать’. Не следует, однако, понимать данную формулировку так, что действие Р происходит во время движения. Более точным, возможно, было бы сказать, что аффикс *-нас/нэс-* маркирует перемещение из точки А в точку В, где осуществляется искомое действие Р, выражаемое исходной глагольной основой, и возвращение в исходную точку. Таким образом, наиболее простой и очевидный анализ данного аффикса предполагает, что структура его значения сложнее структуры значения андатива ровно на редитивный компонент.

В то же время, как показывает материал других тунгусо-маньчжурских языков, эвенский аффикс *-нас/нэс-* на самом деле может быть составным. Так, в удэгейском языке аналогичное значение ‘сходить, чтобы Р (и вернуться)’ выражается, согласно [Nikolaeva, Tolskaya 2001], сочетанием¹³ директивного показателя *-на* и показателя *-сА*, имеющего экспериментивное¹⁴ значение ‘ситуация Р имела место по крайней мере раз в прошлом’. Ср. деривационную цепочку: *wakca-na-sa-* ‘come back after hunting’ < *wakca-na-* ‘go to hunt’ < *wakca-* ‘hunt’ [ibid.: 321]. В

¹³ В орокском языке такое значение также возникает при сочетании двух морфем: направительного аффикса *-нда/ндэ-* и показателя *-та/тэ-* [Петрова 1967: 92].

¹⁴ Согласно [Nikolaeva, Tolskaya 2001], редитивное (regressive) значение показателя *-сА*, примеры на которое можно найти в [Шнейдер 1936], в современном удэгейском языке не обнаруживается, если не считать его сочетаний с аффиксом *-на*.

грамматике сообщается [ibid.: 322], что данный показатель чрезвычайно продуктивен и сочетается практически с любыми нестативными основами, если результат семантически приемлем. Как отмечалось ещё в [Шнейдер 1936: 141], аффикс *-nA* выражает идею движения в самом общем виде, т. е. перемещение не обязательно должно осуществляться пешком, но может также по воздуху, по воде, бегом и т. д. Кроме того, в [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 264] говорится, что в формах императива словообразовательный суффикс *-nA* зачастую присоединяется даже тогда, когда компонент перемещения уже присутствует в семантике исходной глагольной основы, — показатель *-nA* оказывается таким образом избыточным.

УДЭГЕЙСКИЙ (северный)

- (13) *jegdige, guy-ki-ni, dau-ne-je*
 hero say-PST-3SG carry.over-DIR-IMP.2SG
 ‘{She said:} hero, carry (us) over’ [Кормушин 1998: 107]
 (цит. по [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 264]).

Если такого рода употребления можно было бы объяснить спецификой императива, с которым андативные и вентивные показатели склонны нетривиальным образом взаимодействовать в самых разных языках (подробнее см. [Гусев 2013: 67–71]), то каков семантический вклад аффикса *-nA* в примерах типа следующего, без специального исследования выяснить вряд ли возможно.

УДЭГЕЙСКИЙ (южный; с. Красный Яр, Приморский край)

- (14) *sita-ni tuka-na:-ni zugdi-tigi*
 child-3SG run-DIR.PST-3SG house-LAT
 ‘His son ran home’ [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 846].

Однако наиболее важной особенностью директивного показателя в удэгейском языке является, на наш взгляд, то, что он не является дейктически ориентированным. Несмотря на то, что обычно данный показатель переводится на русский язык глаголом *пойти*, он же используется и в тех случаях, когда предполагается перемещение в место, где находится говорящий.

УДЭГЕЙСКИЙ (анюйский; Хабаровский край)

- (15) *uj'ei mam'asa, sina-di-i diŋe-u-ge-i,*

Уей старуха котомка-DAT-SS.SG давить-PASS-PF-1SG
bele-ne-je!
 помогать-DIR-IMP
 ‘Старуха Уей, я носилками придавлен, иди помоги!’
 [Шнейдер 1937].

То же самое касается дериватов, последовательно присоединяющих показатели *-nA* и *-sA*: они употребляются в том числе в тех случаях, когда Агенс совершает перемещение в место, где находится во время ситуации Р говорящий, и возвращается обратно в исходную точку.

УДЭГЕЙСКИЙ (южный; с. Красный Яр, Приморский край)
 (16) *ge, si ei dogbo-ni bi aŋi-we-i*
 well you this night-3SG me INDEF-ACC-1SG
bi duŋsi: zomi-ne-se:-i?
 me thing.1SG steal-DIR-EXP.PST-2SG
 ‘{Well, she went and said to this man, she said:} Well, did you come to steal my things last night?’ [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 893].

Таким образом, значение удэгейского показателя *-nA*, по всей видимости, не связано с глагольной ориентацией, и называть его андативом, по крайней мере в том же смысле, в котором этот термин употребляется выше, некорректно, в связи с чем он глоссируется здесь как директивный показатель, вслед за [Nikolaeva, Tolskaya 2001]. Нельзя исключать, что и в ряде других языков Сибири, где не засвидетельствована оппозиция андатива и вентива, единственный направительно-целевой показатель также не обязательно связан с глагольной ориентацией. В частности, полевые данные, собранные в с. Амгуэма в 2016–2017 гг., говорят о том, что в чукотском языке показатель *-sqiw* также может значить не только ‘пойти, чтобы Р’, но и ‘прийти, чтобы Р’. Для таких показателей можно было бы зарезервировать термин *перегринатив*, отмеченный в [Мельчук 1998: 414], однако в практике последних лет [Стойнова 2016; в печати], как кажется, закрепилось более простое и понятное (хотя в то же время и более громоздкое) название — показатели «движения с целью» (ср. английский термин «motion-cum-purpose» из статьи [Aissen 1984]).

5. Типологические параллели

Показатели, схожие с андативом и вентивом в языках Северной Евразии, обнаруживаются в ряде языковых семей Африки, прежде всего в банту, а также в чадских и нилотских языках; ср. пример из языка зулу.

ЗУЛУ (банту < бенуэ-конголезские; ЮАР)

(17a) *u-zo-sebenza*

I-VEN-работать

‘Он пришёл работать’ [van Eeden 1956: 266] (цит. по [Гусев 2013: 67]).

(17b) *u-yo-lima*

I-AND-пахать

‘Он пошёл пахать’ [ibid.].

Эти аффиксы фигурируют в различных грамматиках под разными именами: в частности, вместо *andative* можно встретить *itive*, *centrifugal*, *translocative*, *allative*, вместо *ventive* (или *venitive*, хотя такой вариант представляется некорректным) — *centripetal*, *cislocative* и др. В наши цели не входит обзор всех возможных терминологических вариантов, однако стоит отметить, что необходимо различать показатели, которые специализированы на выражении дейктической ориентации и ни при каких условиях не могут сами обозначать событие перемещения, и те, которые выражают событие перемещения (при этом обычно ориентируя его относительно дейктического центра) в сочетании не с глаголами перемещения. Один из возможных вариантов: использовать пару «центробежный» (*centrifugal*) vs. «центростремительный» (*centripetal*) для первого рода показателей (ср. примеры (18a–b) из австронезийского языка тоабаита ниже), а для последнего — зарезервировать пару андатив (итив) vs. вентив, как уже предлагалось в [Плунгян 2002].

ТОАБАИТА (океанийские < австронезийские; Соломоновы острова)

(18a)	<i>Nau ku</i>	<i>fale-a</i>	<i>kau</i>
	1SG 1SG.NFUT	send-3.OBJ	CFG
	<i>teqe necklace</i>	<i>fa-mu</i>	
	one necklace	REC-2SG.PRS	

'I am sending you a necklace' [Lichtenberk 2008: 218].

- (18b) *Ngali-a mai kate baa.*
carry-3.OBJ CPT card that
'Bring the (playing) cards' [ibid.].

Показатели, аналогичные *kau* и *mai* в тоабаита, отмечаются во многих других языках Океании, но вообще они встречаются в самых разных языковых ареалах; ср., например, грузинские превербы *mi-* vs. *to-* или немецкие *hin-* vs. *her-* соответственно (как минимум последние в сочетании не с глаголами движения склонны к лексикализации [Lehmann 1991: 515]).

Относительно большинства чадских и нилотских языков, данные по которым подробны, стоит отметить, что показатели андатива и вентива в них в сочетании не с глаголами движения, как правило, не могут систематически выражать контраст, иллюстрируемый в примерах (17a–b) из бантурского языка зулу. Так, например, в [Kiessling 2007] заявляется, что в нилотском языке датог (Datooga; Танзания) центростремительный показатель *-in*, присоединяясь к нединамическим глаголам, выражает обычно автобенефактивное, а центробежный показатель *-d* — альтрилокативное значение 'Р в другом месте', однако эти показатели, по-видимому, не могут маркировать само событие перемещения. Подробнее о ситуации в чадских и нилотских языках см. классические работы [Frajzyngier 1987; Jungraithmayr 1998; Dimmendaal 2003].

Другая традиция описания схожих, но не идентичных, показателей берёт свое начало в исследованиях по австралийским языкам и состоит в выделении особой категории «сопутствующего движения» (*associated motion*); ср. основополагающие статьи [Koch 1984; Wilkins 1991]. Рассмотрим примеры из австралийского языка вамбая.

ВАМБАЯ (западно-барклийские < миндийские; Австралия)

- (19a) *Gannga mirnd-amany*
return 1.DU.INC.S-PST.VEN
'We came back' [Nordlinger 2010: 237].

- (19b) *Gannga mirnd-any*
return 1.DU.INC.S-PST.AND

‘We went back’ [ibid.].

- (20) *Gulugbi ng-uba* *ngawurniji*
sleep 1.SG.S-NPST.AND 1.SG.NOM
‘I’ll go (away) and sleep’ [ibid.: 244].

Аффиксы андатива и вентива в вамбая кумулятивно выражают время и присоединяются к вспомогательному глаголу, несущему показатели лица и числа. Как видно из примеров (19a–b), в сочетании с дейктическими глаголами движения, андатив и вентив задают как раз направление движения от дейктического центра или к нему соответственно. В сочетании с другими глаголами (не движения; ср. 20) они регулярно выражают как направление движения, так и само событие перемещения. Как следует из описания Р. Нордлингер, событие перемещения в такой конструкции происходит строго до основного события, Агенса события перемещения всегда совпадает с главным аргументом смыслового глагола, а аргументная структура и переходность конструкции полностью определяются смысловым глаголом. Таким образом, ограничения, связанные с темпоральной упорядоченностью событий, кореферентностью аргументов и (в общем случае) переходностью, наблюдаемые в вамбая, весьма схожи с теми, которые встречаются в языках Сибири, с той разницей, что в вамбая данные показатели могут также сочетаться с глаголами движения, маркируя в таком случае именно дейктическую ориентацию. К сожалению, статья [Nordlinger 2010] не содержит информации о других семантических свойствах этих показателей, поскольку в целом посвящена описанию синтаксиса этой конструкции.

В ряде языков Южной Америки т. н. категория «сопутствующего движения» является словоизменительной и может содержать более десяти граммем, которые противопоставляются в первую очередь по следующим трём параметрам: 1) выражение дейктической ориентации (+/-; если +, то движение от дейктического центра или к нему); 2) синтаксическая роль участника ситуации перемещения в клаузе (подлежащее vs. прямое дополнение); 3) темпоральная упорядоченность ситуации перемещения относительно ситуации Р, обозначаемой смысловым глаголом (ситуация перемещения

предшествует во времени ситуации Р, осуществляется одновременно с ней или следует за ней). Ср. описания сложных систем в пано-таканских языках [Guillaume 2009; Vuilletmet 2012], где соответствующие аффиксы сочетаются в том числе с глаголами движения. При этом граммы категории сопутствующего движения, в отличие от показателей глагольной ориентации, маркируют не только направление движения, но и саму ситуацию перемещения. Таким образом, андативные и вентивные показатели, встречающиеся в языках Сибири, могут рассматриваться как подтип категории «сопутствующего движения», при котором фиксированы синтаксическая роль участника ситуации перемещения (S/A) и временная последовательность ситуации перемещения и ситуации Р (первая предшествует второй).

Аналогичные ограничения существуют, например, в гьялронгском языке Jarhug (IPA: [tɕɣ^hʉ]), где отмечаются два показателя со значениями 'go to' и 'come to' соответственно. В то же время в Jarhug, как и в других рассмотренных выше случаях, данные показатели сочетаются в том числе с глаголами движения, однако в статье [Jacques 2013] не указывается, существуют ли различия в поведении андативных и вентивных показателей в такого рода конструкциях и во всех остальных. Показатели андатива и вентива в этом языке очевидным образом являются результатом грамматикализации глаголов *ɕe* 'пойти' и *ɣi* 'прийти', при этом они употребляются как префиксы, хотя данный язык демонстрирует строгий порядок слов с глаголом в конечной позиции. Большая часть статьи [Jacques 2013] посвящена как раз обсуждению возможных путей грамматикализации, в результате которой показатели, происходящие от глаголов, оказались префиксами. Нас, однако, интересует другая особенность употребления андативных и вентивных показателей в языке Jarhug, иллюстрируемая следующими примерами и представляющая собой один из важных параметров межъязыкового варьирования.

JARHUG (гьялронгские < тибето-бирманские; уезд Баркам, провинция Сычуань, Китай)

(21a) *azo tɕmt^hum ɕ-tɕ-χtu-t-a*

I meat AND-AOR-buy-PST-1SG

‘I went to buy meat (and bought it)’ [Jacques 2013: 203].

(21b) *azo trmt^hum u-ku-χtu jx-ari-a*
I meat 3SG-NMLZ:S/A-buy AOR-go[II]-1SG
‘I went to buy meat (I may or may not have bought it)’ [ibid.].

(22a) *laχte^ha u-ku-χtu jx-ari-a ri*
thing 3SG-NMLZ:S/A-buy AOR-go[II]-1SG but
tr-χtu-t-a maka me
AOR-buy-PST-1SG at.all NPST:not.have
‘I went to buy things but did not buy anything’ [ibid.].

(22b) **laχte^ha ε-tr-χtu-t-a ri*
thing AND-AOR-buy-PST-1SG but
tr-χtu-t-a maka me
AOR-buy-PST-1SG at.all NPST:not.have
Ожидаемое значение: = ‘17a’ [ibid.].

В языке Jarhug, как и в большинстве других названных выше языков, сосуществуют две конструкции: с морфологическим показателем андатива/вентива и с финитным глаголом движения. Однако контраст между этими конструкциями гораздо более значительный, чем, например, в лесном ненецком языке. Только в конструкции с финитным глаголом движения ситуация Р, ради которой осуществляется перемещение, является целью и необязательно имеет место в актуальном мире, что показывается в примере (22a) с помощью теста на отрицание. Напротив, в случае андативного и вентивного дериватов отрицание ситуации Р невозможно. На языке Jarhug нельзя сказать ‘Я пошёл спать, но не смог уснуть’, используя морфологический показатель андатива в первой клаузе, что доказывает, что андатив и вентив в этом языке демонстрируют положительное значение параметра «импликативность», предполагая реальность осуществления ситуации Р в актуальном мире. На этом мы закончим краткий обзор типологических параллелей и перейдём к заключению.

6. Заключение

Настоящие заметки были посвящены глагольным показателям, обозначающим перемещение субъекта с целью

совершить действие Р, в языках Сибири. Ранее подобные морфемы в языках данного ареала не привлекали широкого внимания типологов, а в различных грамматиках описывались в кругу различных явлений, в частности, среди аспектуальных или модальных показателей. В данной работе мы стремились показать, что такой взгляд если и может быть оправдан, то лишь отчасти.

С типологической точки зрения направительные показатели в языках Сибири, по-видимому, могут рассматриваться как подтип особой категории т. н. «сопутствующего движения»¹⁵ (имеющей традицию описания в исследованиях по языкам Австралии и Южной Америки), при котором фиксированы синтаксическая роль участника ситуации перемещения (он кореферентен S/A-участнику ситуации, обозначаемой исходным глаголом) и временная последовательность ситуации перемещения и ситуации Р (первая предшествует второй). Отдельная оговорка здесь касается того, что в языках Сибири это очевидным образом словообразовательные, а не словоизменительные показатели.

Таковы основные общие свойства, разделяемые направительными показателями во всех рассмотренных языках. Остальные свойства являются параметрами межъязыкового варьирования и нуждаются в дополнительном изучении. Разумеется, в рамках этой короткой статьи невозможно было обсудить все языки Сибири и все релевантные параметры. К тому же многие важные сведения, касающиеся исследуемых показателей, отсутствуют в имеющихся описаниях и текстах и требуют полевой работы. Нашей целью было скорее очертить круг возможных вопросов, чем дать на них окончательные ответы. Ниже в виде списка представлены основные параметры варьирования, выявленные в рамках настоящей работы:

- характер ориентации (дейктический vs. недейктический);

¹⁵ В то же время мы в целом поддерживаем терминологические предложения, высказанные в статьях [Стойнова 2016; в печати], и согласны, что в идеале следует различать показатели андатива/вентива, сопутствующего движения и движения с целью.

- противопоставление по направлению движения (андатив vs. вентив);
- имплицативность, т. е. следует ли из реальности ситуации перемещения реальность ситуации Р;
- сочетаемость с неагентивными глаголами;
- сочетаемость с базовыми глаголами перемещения;
- влияние на видовые характеристики основы;
- влияние на модель управления предиката.

Кроме того, разумеется, важным является изучение путей грамматикализации соответствующих показателей, их связей и взаимодействия с другими глагольными категориями (в частности, рефактивом). Всё это и многое другое остаётся предметом будущих исследований, однако, мы надеемся, нам удалось продемонстрировать, что и в рамках данной семантической зоны языка Сибири представляют чрезвычайный интерес с точки зрения типологии и общей теории грамматики, что, в частности, убедительно показано во многих работах Александра Павловича Володина.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; А — агенсоподобный актанта переходного глагола; ABS — абсолютив; ACC — аккузатив; ALL — аллатив; AND — андатив; ANAL — компонент аналитической формы глагола; AOR — аорист; CAUS — каузатив; CFG — центробежный показатель; COND — кондиционал; CPT — центростремительный показатель; CVB — деепричастие; DAT — датив; DEM — указательное местоимение; DIM — диминутив; DIR — направительный показатель; DU — двойственное число; EMPH — эмфаза; EQU — экватив; ERG — эргатив; EXP — экспириентив; FUT — будущее время; GFS — общая финитная основа; IMP — императив; INC — инклюзивность; IND — индикатив; INDEF — неопределённое местоимение; INF — инфинитив; INTS — интенсификатор; IPFV — имперфектив; IRR — ирреалис; LAT — латив; LOC — локатив; NARR — нарратив; NEG — отрицание; NFUT — небудущее время; NMLZ — номинализация; NOM — номинатив; NPL — множественное число; NPST — непрошедшее время; NSG — неединственное число; OBJ — прямое дополнение; OBL — косвенное дополнение; OPT — оптатив; P — пациенсоподобный актанта переходного глагола; PASS — пассив; PF — перфект; PFV — перфектив; PL — множественное число; PN — личное местоимение; POSS — посессивность; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время;

PURP — направительно-целевой показатель; REC — реципиент; S — единственный актант непереходного глагола/субъектная согласовательная серия (лесной и тундровый ненецкий); SG — единственное число; SIDE — словообразовательный суффикс со значением ‘сторона’; SS — односубъектность; SUP — супин; TH — тематический суффикс; VEN — вентив

Литература

- Виняр 2016 — А. И. Виняр. Чукотские глагольно-глагольные компаунды: к противопоставлению инкорпорации и сериализации глагольных основ // М. Б. Коношенко, Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг (ред.). Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2016». Вып. 3. М.: Московский педагогический государственный университет, 2016. С. 66–87.
- Володин 1976 — А. П. Володин. Ительменский язык. Л.: Наука, 1976.
- Володин 2008 — А. П. Володин. Ительменские тексты. Т. 1. Фольклорные тексты. Южный диалект. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008.
- Володин рук. — А. П. Володин. Ительменские тексты. Рукопись.
- Вэлла 2008 — Ю. К. Вэлла. Поговори со мной: книга для ненецкого студента и для того, кто хотел бы послушать ненецкую душу: [вариант пятый, с переводами на язык ханты]. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008.
- Гусев 2012 — В. Ю. Гусев. Аспект в нганасанском языке // В. А. Плунгян (отв. ред.). Исследования по теории грамматики. Выпуск 6: Типология аспектуальных систем и категорий. (Acta Linguistica Petropolitana T. VIII. Ч. 2). СПб.: Наука, 2012. С. 311–360.
- Гусев 2013 — В. Ю. Гусев. Типология императива. М.: Языки славянских культур, 2013.
- Кибрик и др. 2000 — А. Е. Кибрик, С. В. Кодзасов, И. А. Муравьева. Язык и фольклор алторцев. М.: ИМЛИ РАН — Наследие, 2000.
- Кормушин 1998 — И. В. Кормушин. Удыхейский (удгейский) язык. Материалы по этнографии. Очерк фонетики и грамматики. Тексты и переводы. Словарь. М.: Наука, 1998.
- Лютикова и др. 2006 — Е. А. Лютикова, С. Г. Татевосов, М. Ю. Иванов, А. Г. Пазельская, А. Б. Шлуинский. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М.: ИМЛИ РАН, 2006.

- Мальцева 1998 — А. А. Мальцева. Морфология глагола в алюторском языке. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.
- Мальцева 2013 — А. А. Мальцева. Способы выражения начала действия в чукотско-корякских языках // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Том 12, выпуск 2: филология, 2013. С. 142–153.
- Мельчук 1998 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Том II. Часть вторая: Морфологические значения. Москва — Вена: Языки русской культуры — Wiener Slawistischer Almanach, 1998.
- Петрова 1967 — Т. И. Петрова. Язык ороков (ульта). Л.: Наука, 1967.
- Плунгян 2000 — В. А. Плунгян. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Едиториал УРСС, 2000.
- Плунгян 2002 — В. А. Плунгян. О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации // В. А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 2. Грамматикализация пространственных значений в языках мира. М.: Русские словари, 2002. С. 57–98.
- Роббек 1982 — В. А. Роббек. Виды глагола в эвенском языке. Л.: Наука, 1982.
- Стойнова 2012 — Н. М. Стойнова. Рефактив и смежные глагольные значения // В. А. Плунгян (отв. ред.). Исследования по теории грамматики. Выпуск 6: Типология аспектуальных систем и категорий. (Acta Linguistica Petropolitana T. VIII. Ч. 2). СПб.: Наука, 2012. С. 867–949.
- Стойнова 2016 — Н. М. Стойнова. Показатели «движения с целью» и событийная структура: суффикс *-nda* в нанайском языке // Вопросы языкознания 4, 2016. С. 86–111.
- Стойнова в печати — Н. М. Стойнова. Показатели движения с целью в южнотунгусских языках и категория *associated motion* // Е. М. Девяткина (отв. ред.). Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Пятой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых учёных» (16–17 февраля 2017 г.). М.: Институт языкознания РАН. (В печати.)
- Татевосов 2010 — С. Г. Татевосов. Акциональность в лексике и грамматике. Дисс. ... докт. филол. наук. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2010.
- Шлуинский 2012 — А. Б. Шлуинский. Фактатив и смежные категории: опыт типологии // В. А. Плунгян (отв. ред.). Исследования по теории грамматики. Выпуск 6: Типология аспектуальных систем и категорий. (Acta Linguistica Petropolitana T. VIII. Ч. 2). СПб.: Наука, 2012. С. 950–996.
- Шнейдер 1936 — Е. Р. Шнейдер. Краткий удэйско-русский словарь. С приложением грамматического очерка. М. — Л.: Учпедгиз, 1936.

- Шнейдер 1937 — E. P. Шнейдер. Материалы по языку анюйских удэ. М. — Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1937.
- Belkadi 2015 — A. Belkadi. Associated motion with deictic directionals: A comparative overview // *SOAS Working Papers in Linguistics* 17, 2015. P. 49–76.
- Dimmendaal 2003 — G. J. Dimmendaal. Locatives as core constituents // E. Shay, U. Seibert (eds.). *Motion, Direction and Location in Languages: In honor of Zygmunt Frajzyngier*. [Typological Studies in Language 56]. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2003. P. 91–109.
- Dunn 1999 — M. Dunn. *A Grammar of Chukchi*. PhD thesis. Australian National University, 1999.
- Fortescue 2005 — M. Fortescue. *Comparative Chukotko-Kamchatkan Dictionary*. [Trends in Linguistics. Documentation 23]. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2005.
- Frajzyngier 1987 — Z. Frajzyngier. Ventive and centrifugal in Chadic // *Afrika und Übersee* 70(1), 1987. P. 31–47.
- de la Fuente, Jacques ms. — Associated motion in Manchu in typological perspective. Manuscript.
- Georg, Volodin 1999 — S. Georg, A. P. Volodin. *Die itelmenische Sprache: Grammatik und Texte*. [Tunguso-Sibirica 5]. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1999.
- Guillaume 2009 — A. Guillaume. Les suffixes verbaux de ‘mouvement associé’ en cavineña // *Faits de Langues — Les Cahiers* 1, 2009. P. 181–204.
- Guillaume 2016 — A. Guillaume. Associated motion in South America: Typological and areal perspectives // *Linguistic Typology* 20 (1), 2016. P. 81–177.
- Jacques 2013 — G. Jacques. Harmonization and disharmonization of affix ordering and basic word order // *Linguistic Typology* 17, 2013. P. 187–215.
- Jungrauthmayr 1998 — H. Jungrauthmayr. The ventive/allative dichotomy in some West African languages // P. Zima, V. Tax (eds.). *Language and Location in Space and Time*. München: LINCOM Europa, 1998. P. 85–91.
- Kiessling 2007 — R. Kiessling. Space and reference in Datooga verbal morphosyntax // D. Payne, M. Reh (eds.). *Advances in Nilo-Saharan Linguistics. Proceedings of the 8th Nilo-Saharan Linguistics Colloquium*. Hamburg, August 22–25, 2001. Köln: Rüdiger Köppe 2007. P. 123–142.

- Koch 1984 — H. Koch. The category of ‘associated motion’ in Kaytej // *Language in Central Australia* 1, 1984. P. 23–34.
- Lehmann 1991 — Ch. Lehmann. Grammaticalization and related changes in contemporary German // B. Heine & E. C. Traugott (eds.). *Approaches to Grammaticalization*. [Typological Studies in Language 19]. V. 2. Focus on types of grammatical markers. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1991. P. 493–535.
- Lichtenberk 2008 — F. Lichtenberk. A Grammar of Toqabaqita. [Mouton Grammar Library 42]. Vol. 1. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2008.
- Nikolaeva, Tolskaya 2001 — I. Nikolaeva, M. Tolskaya. A Grammar of Udihe. [Mouton Grammar Library 22]. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2001.
- Nordlinger 2010 — R. Nordlinger. Complex predicates in Wambaya: detaching predicate composition from syntactic structure // M. Amberber, B. Baker, M. Harvey (eds.). *Complex Predicates: Cross-Linguistic Perspectives on Event Structure*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 237–258.
- Rose 2015 — F. Rose. Associated motion in Mojeño Trinitario: Some typological considerations // *Folia Linguistica* 49, 2015. P. 117–158.
- Salminen 2007 — T. Salminen. Notes on Forest Nenets phonology // J. Ylikoski, A. Aikio (d.). *Sámit, sánit, sátnehámit. Riepmočála Pekka Sammallahtii miessemánu 21. beaivve 2007*. [Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia = Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 253]. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura — Société Finno-Ougrienne, 2007. P. 349–372.
- Vuillermet 2012 — M. Vuillermet. A Grammar of Ese Ejja, a Takanan language of the Bolivian Amazon. PhD thesis. Université Lyon 2, 2012.
- van Eeden 1956 — B. I. C. van Eeden. *Zoeloe-grammatika*. Stellenbosch — Grahamstad: Die Universiteitsuitgewers en -boekhandelaars, 1956.
- Wilkins 1991 — D. P. Wilkins. The semantics, pragmatics and diachronic development of ‘associated motion’ in Mparntwe Arrernte // *Buffalo Papers in Linguistics* 1, 1991. P. 207–257.